
**«Периферийный» тип советского
национального строительства в 1920–1930-х гг.
(по материалам Дона и Северного Кавказа)**

Антон Аверьянов

**«Peripheral» type of Soviet nation-building in the 1920s–1930s
(on the materials of the Don and the North Caucasus)**

Anton Averyanov
(*Southern Federal University, Rostov on Don, Russia*)

DOI: 10.31857/S0869568722060036, EDN: MLLKGP

Решение национального вопроса в Советской России тесно увязывалось с социально-экономической модернизацией общества. Ключевой задачей объявлялось преодоление экономической отсталости населявших страну народов при одновременном сохранении и развитии их национальных традиций и культуры. Специфика России, по мнению И.В. Сталина, заключалась в том, что вследствие русификаторской политики самодержавия, «в условиях неликвидированного феодализма, в условиях слабо развитого капитализма» процесс складывания наций в нашей стране начался значительно позже, чем в Европе, и не успел завершиться в полной мере¹. Создание необходимых условий для их окончательного формирования провозглашалось первостепенной задачей советской национальной политики. Важнейшим механизмом национального строительства объявлялась областная автономия, которая должна была обеспечить быстрое и всестороннее развитие всех сфер жизни народов России и ликвидировать их экономическую и культурную отсталость². Кроме того, предоставление автономий имело целью обеспечить лояльность центру со стороны нерусских народов, скорейшее признание ими советской власти, что было наиболее актуально в период Гражданской войны и сразу же по её окончании.

Национальная политика в стране Советов сопровождалась частыми административными пертурбациями, обусловленными реализацией ключевого постулата большевиков – права наций на самоопределение. Поэтому сразу после окончания Гражданской войны начались административные эксперименты с целью поиска наиболее оптимального баланса между государственными экономическими задачами и национально-культурными интересами отдельных этносов. Привычное деление на губернии (области) и уезды было заменено на более крупные в территориальном отношении края, а также округа и области, в том числе национальные, которые в свою очередь включали в себя районы и сельсоветы. Указанный период характеризовался разработкой идейных основ национальной политики, расширением её теоретического багажа. В политический оборот вводились такие понятия, как «социалистическая нация» и «коренизация», обосновывались постулаты о «вызревании наций в условиях социалистического строя», «форсированном нацистроительстве», «расцвете наций при социализме» и др.

© 2022 г. А.В. Аверьянов

¹ Сталин И.В. О национальном вопросе. Сборник статей. М., 2012. С. 16–17.

² Там же. С. 60.

Важнейшим элементом национальной политики в 1920-х – начале 1930-х гг. стал курс на коренизацию, призванную обеспечить процесс вызревания наций и расцвет всех форм их жизни. Одобренная и принятая как руководство к действию на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. политика коренизации предполагала переход государственного аппарата управления на национальные языки, а также привлечение на руководящие должности представителей местных народов. Наиболее пристальное внимание в рамках национального строительства отводилось развитию языка, который, как правило, складывался на основе столичного диалекта или диалекта наиболее крупной субэтнической группы. Развитие письменности, первоначально на основе латинской графики, закладывало основу культуры и самосознания обновлённых «социалистических наций».

Несмотря на универсализм советской национальной политики, партийное руководство признавало необходимость её адаптации к региональной специфике³. Наиболее показательным представлялся пример Дона и Северного Кавказа, учитывая их полиэтничный характер, а также длительную и кровопролитную Гражданскую войну в регионе. В советской⁴ и современной⁵ историографии накоплен большой опыт изучения особенностей национальной политики в Северокавказском регионе. В 2000–2010-х гг. исследователи привлекли значительный фактический, прежде всего архивный материал, раскрывающий различные аспекты социальной, политической, экономической, культурной жизни дисперсных этносов⁶. Вместе с тем в современной научной литературе по-прежнему отсутствуют работы обобщающего характера, где определялись бы особенности советской национальной политики на Дону,

³ *Сталин И.В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных речей и статей. М., 1937. С. 77.

⁴ *Абулова Е.А.* Партия во главе национально-государственного строительства народов Северного Кавказа, 1917–1937. Ростов н/Д, 1984; *Ансоков М.Г.* Образование и развитие национальной советской государственности народов Кабарды и Балкарии (1917–1936). Нальчик, 1974; *Кониев Ю.И.* Автономия народов Северного Кавказа: о зарождении, становлении и развитии форм советской национальной государственности на Серном Кавказе. Орджоникидзе, 1973; *Летифов А.Л.* Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе в переходный период к социализму. Махачкала, 1972; *Масаев Ш.Г.* Ленинская национальная политика и создание автономии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1961; *Эбзеева С.Э.* Становление советской национальной государственности народов Северного Кавказа. М., 1976; и др.

⁵ *Бугаев А.М.* Советская автономия Чечни – Чечено-Ингушетии: очерки истории становления и развития. Грозный, 2012; *Бугай Н.Ф.* Кавказ. Этнические меньшинства: прошлое и настоящее. М., 2014; *Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х.* Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е гг.). Майкоп, 1994; *Даудов А.Х., Месхидзе Д.И.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа. 1917–1924 г. СПб., 2009; *Карпов Ю.Ю.* Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб., 2017; *Орешин С.А.* Национально-государственное строительство на Северном Кавказе, 1917–1921 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015; *Хлынина Т.П.* Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. Краснодар, 1997; *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т.* Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д, 2012; *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф.* История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2014; *Шнайдер В.Г.* Советское нациестроительство на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия. Армавир, 2007; и др.

⁶ *Бугай Н.Ф.* Корейцы Юга России: межэтническое согласие, диалог, доверие. М., 2015; *Иванцов И.Г.* Советские формы «малой автономии». Национальные районы и сельсоветы на Кубани. 1924–1953 гг. (на материалах Кубани и Северного Кавказа). Краснодар, 2013; *Игнатова М.Е.* Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы Краснодарского края в 20–40-е гг. XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005; и др.

Кубани и Ставрополье как субрегионе, имевшем свою специфику и уникальность. В настоящей статье предпринята попытка выделить особенности советской национальной политики в отношении дисперсных этносов в так называемых русских округах и районах Северо-Кавказского края в 1920–1930-е гг. и определить её тип.

В структуре населения Северного Кавказа преобладали многочисленные этнические, субэтнические, этносоциальные группы, которые сохраняли свои языковые диалекты, самобытную культуру и традиции, различные даже в рамках одного этноса. Нации, которые в представлении большевиков были «воображаемыми сообществами», ещё предстояло построить из весьма «разношёрстного материала то ли племен, то ли уже народностей»⁷. Говорить о нациях в привычном понимании этого слова было сложно не только в отношении национальных меньшинств, но и восточнославянского сообщества, в котором наблюдалось сохранение высокого уровня социальной дифференциации, унаследованной от сословной структуры общества. Свою остроту сохранял казачий вопрос, который стал составной частью национальной и социальной политики большевиков в регионе.

Процесс национального строительства среди крупнейших горских народов протекал в рамках классического варианта – через создание автономий. На Северном Кавказе курс на автономизацию был объявлен после окончательной победы советской власти в регионе. В ноябре 1920 г. было провозглашено создание Горской АССР в составе РСФСР, а в 1921–1922 гг. из её состава выделены Кабардинский, Карачаевский, Чеченский и Балкарский округа, преобразованные в автономные области. В 1922 г. была образована Черкесская (Адыгейская) автономная область. После упразднения Горской АССР в 1924 г. на её территории созданы Северо-Осетинская и Ингушская автономные области, Сунженский казачий округ⁸.

Автономизация Северного Кавказа являлась неотъемлемой частью решения национального вопроса в регионе и основным механизмом нациестроительства. В то же время дефицит ресурсной базы северокавказских автономий на фоне взаимных противоречий во время существования и после ликвидации Горской АССР не позволял осуществить полноценную модернизацию своими силами: развивать промышленность и национальный пролетариат. В середине 1920-х гг. советская власть поставила задачу сформировать экономически самодостаточные регионы, что предопределило объединение «русской» Юго-Восточной области, куда вошли территории бывшей Донской и Кубано-Черноморской областей, а также Ставропольской и Терской губерний, с северокавказскими автономиями в Северо-Кавказский край с центром в Ростове-на-Дону⁹. В 1924 г. в его состав из УССР были переданы мощные промышленные центры – Таганрог и Шахты.

Этническая и административная структура Северо-Кавказского края даёт основание говорить о двух субрегионах в его составе – национальных автономных образованиях, которые в течение 1920–1930-х гг. повышали свой статус от округов и областей до автономных республик, а также «русских» округов и районах. Северо-Кавказский край был единственной административной еди-

⁷ Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. С. 107.

⁸ Цуцнев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. С. 65.

⁹ Там же.

ницей в РСФСР, где с учётом украинского населения по итогам всесоюзной переписи 1926 г. преобладали национальные меньшинства (табл. 1).

Таблица 1

Крупнейшие народы (свыше 50 тыс.) Северо-Кавказского края по итогам всесоюзной переписи 1926 г.

Национальности	Численность (тыс. человек)
Русские	3 841,1
Украинцы	3 106,8
Чеченцы	296,3
Армяне	162,2
Осетины	155,4
Кабардинцы	139,7
Немцы	93,9
Ингуши	72,0
Черкесы	64,0
Карачаевцы	55,0
Белорусы	51,3

Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Северо-Кавказский край (URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=807).

В пределах национальных очагов в Северо-Кавказском крае были образованы автономии, в которых последовательно проводилась коренизация политико-административного аппарата. Ключевую роль в этом процессе играл Ростов-на-Дону, где к 1924 г., по данным А.И. Микояна, обучались 300 студентов-горцев, в том числе 150 человек на рабфаках и военных курсах¹⁰. Данная практика, признанная вполне успешной, в дальнейшем получила широкое распространение во многих средне-специальных и высших учебных заведениях Ростова-на-Дону и других городов края.

Расширение производственной сети в ходе индустриализации и коллективизации обусловило необходимость оперативного управления местным хозяйством, что привело к разукрупнению Северо-Кавказского края в 1934 и 1937 гг. С целью расширения ресурсной базы северокавказских автономий между ними разделили территории бывшего Терского округа и повысили их статус до уровня автономных республик (КБАССР, СОАССР, ЧИАССР, ДАССР), что было закреплено в Конституции СССР 1936 г.¹¹ Неотъемлемой частью советского национального строительства являлось увеличение в структуре населения доли

¹⁰ Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИ РО), ф. 7, оп. 1, д. 856, л. 21.

¹¹ Тархов С.А. Изменение административно-территориального деления России в XIII–XX вв. // Логос. 2005. № 1. С. 83.

рабочего класса, который должен был составить костяк партийной организации. С этой целью на предприятия Ростова-на-Дону, который стал своеобразной кузницей кадров для северокавказского пролетариата, в массовом порядке зачислялись рабочие из национальных автономий. На II городской конференции националов в декабре 1930 г. отмечалось, что «основная задача перед нами здесь – создать кадры рабочих производственников из националов для промышленности... Только при этом условии, при наличии соответствующих кадров можно развивать промышленность в нацобластях»¹².

К началу 1930-х гг. на 47 ростовских предприятиях, среди которых выделялись Сельмаш, Лензавод, Красный Аксай, Северо-Кавказская обувная фабрика, одновременно трудились более 500 рабочих из Чечни, Ингушетии, Дагестана и других автономий Северного Кавказа. Всего на донских заводах и фабриках предполагалось обучить свыше 4 тыс. северокавказских рабочих¹³. Аналогичная практика реализовывалась в Новороссийске, Краснодаре, Грозном. По мере повышения административного статуса северокавказских автономий в их состав включались крупные промышленные центры, которые ранее входили в подчинение «русских» округов или сохраняли автономию. Так, в 1929 г. в состав Чеченской автономной области был включён Грозный, а в 1936 г. в подчинение Адыгейской автономной области передан Майкоп, ставший его административным центром¹⁴.

Таким образом, в национальных автономиях реализовывался классический тип национального строительства. Его сущность заключалась в формировании этнонаций на базе советской идеологии, хозяйственного, партийного и культурного строительства. Ключевым механизмом стало развитие национальной государственности (в форме автономных округов, областей, республик) со всеми присущими ей политическими атрибутами и символами (декларированный суверенитет, статус титульных (коренных) народов и др.).

Этносоциальная специфика в «русских» округах и районах Северо-Кавказского края, охватывавшая территории Дона, Кубани, Черноморья, Ставрополья и частично Терека, обуславливалась историческими особенностями заселения региона, прежде всего его колонизационным характером. Большую часть населения здесь составляли переселенцы из различных регионов России, а также из-за рубежа. По своей совокупной численности немецкие, армянские, греческие общины превосходили население некоторых северокавказских автономий, но были разбросаны по всей территории Северо-Кавказского края (так называемые дисперсные этносы), а их реальная численность значительно превышала данные переписи 1926 г., неполные из-за неконтролируемой в то время миграции. В регионе также проживали ассирийцы, грузины, туркмены, шапсуги, евреи, цыгане, татары, калмыки, поляки, чехи, молдаване и др. Многие из них сохраняли традиционный уклад и вели замкнутый образ жизни. Уровень владения русским языком был очень низким, особенно у женщин и детей, что препятствовало развитию межэтнических связей. Особое положение занимали украинцы, которые также признавались большевиками в качестве национального меньшинства, хотя их численность в Северо-Кавказском крае была немногим меньше русского населения (табл. 2).

¹² Государственный архив Ростовской области (далее – ГА РО), ф. Р-1185, оп. 3, д. 279, л. 13.

¹³ Там же, ф. Р-2287, оп. 1, д. 3951, л. 24.

¹⁴ *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа... С. 73.

**Крупнейшие национальные меньшинства в административных округах
Дона, Кубани и Ставрополья в 1926 г.**

Национальности	Численность (тыс. человек)			
	Дон	Кубань и Черноморье	Ставрополье и Терек*	Итого
Украинцы	1174,5	1419,7	439,8	3034,0
Армяне	46,5	77,8	23,6	147,9
Немцы	29,1	33,0	26,1	88,2
Белорусы	17,2	23,3	2,8	43,3
Евреи	30,4	5,5	3,6	39,5
Греки	1,9	23,2	3,9	29,0
Поляки	5,5	7,4	2,6	15,5
Татары	5,2	3,9	2,7	11,8
Калмыки	0,2	9,5	2,0	11,7
Черкесы	0,1	8,5	1,9	10,5
Молдаване	0,1	9,0	0,15	9,2
Грузины	0,6	5,0	1,9	7,5
Цыгане	2,8	2,7	0,9	6,4
Эстонцы (Эсты)	0,35	3,2	1,3	4,8
Туркмены	—	—	4,5	4,5
Латыши	2,1	1,8	0,4	4,3
Ногайцы	0,1	0,8	2,7	3,6
Чехи и словаки	0,3	3,1	0,1	3,5
Болгары	0,7	1,3	0,2	2,2
Ассирийцы	0,4	0,9	0,1	1,4

Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года...

* Ставропольский и Терский округа.

Этносоциальные отношения на Дону, Кубани и Ставрополье во многом противоречили большевистскому постулату об угнетаемых царизмом нерусских народах. Некоторые старожильческие этнические общины по уровню своего экономического и культурного развития превосходили русское крестьянское и казачье население. Зажиточными были многие армянские общины, прежде всего в Нахичевани-на-Дону, Чалтыре. Большинство немецких колоний в регионе были значительно богаче своих соседей, в том числе русских и казаков. Партийными и советскими органами неоднократно отмечалось, что «к особенностям ведения сельского хозяйства немцами относился их довольно крупный размер, товарный характер, наличие большого количества наёмных работников»¹⁵. Одной из причин низких темпов кооперации в Донском округе региональные власти признавали «обеспеченность немцев инвентарём, лошадьми, скотом, и вообще их зажиточность (почти в каждом дворе имеется от 1 до 3-х батраков)»¹⁶.

¹⁵ ГА РО, ф. Р-1798, оп. 1, д. 941, л. 89.

¹⁶ Там же, л. 161, 161 об.

За период длительного проживания многих этнических общин на Дону, Кубани, в Черноморье, на Ставрополье и Тереке сформировались уникальные субэтнические группы с устойчивой региональной идентичностью. Дисперсный характер расселения национальных общин значительно затруднял их консолидацию в рамках государственного курса на формирование унифицированных этнонаций. За несколько поколений переселенцев наряду с сохранением этнического самосознания интенсивно формировался региональный тип идентичности. Многие жители вне зависимости от этнической принадлежности идентифицировали себя с территорией проживания. Дисперсные этносы различались по образу жизни (оседлые и кочевые), религии (христиане и мусульмане) и уровню благосостояния. Выделялись богатые и бедные колонии у немцев, зажиточные и нищие поселения армян и греков. Довольно часто имели место случаи внутриэтнической конкуренции. Например, нахичеванские армяне ещё до революции 1917 г. не давали согласия на приобретение земли в местах своего компактного проживания армавирским армянам¹⁷. Непросто складывались отношения между армянскими беженцами из Турции и Закавказья и донскими армянами, переселившимися из Крыма в конце XVIII в. и сохранившими свою уникальную культуру и язык¹⁸.

Новая волна переселенцев, которые стали массово прибывать на Дон, Кубань и Ставрополье во время Первой мировой войны, а также в 1920-х гг., ещё больше затрудняла процесс национальной унификации. Среди беженцев преобладали греки, армяне, ассирийцы, которые переселялись на юг России из Османской империи. Мигранты имели культурные, языковые, ментальные особенности, отличавшие их от соплеменников-старожилов. Основная масса беженцев прибывала на территорию Кубани, а также Дона, главным образом в Шахтинский, Донской и Сальский округа¹⁹. Многие из них первоначально оседали в крупных городах Северо-Кавказского края, например, в Ростове-на-Дону, Армавире, Владикавказе, Грозном, и не имели возможности завести собственное хозяйство, маргинализировались²⁰. Миграционная волна в ещё большей степени способствовала углублению этнической мозаичности в регионе.

Наконец, важнейшим фактором, препятствовавшим реализации «классической» формулы национального строительства на Дону, Кубани и Ставрополье, было наличие национальных очагов у крупнейших этносов, сложившихся в формате союзных или автономных республик. Так, армяне имели свой национальный очаг в Армянской ССР, входившей в состав ЗСФСР и выделившейся из неё в 1936 г. Непосредственно с Северо-Кавказским краем граничила Украинская ССР, где активно проводилась политика украинизации. Национальным очагом ставропольских туркмен, несмотря на собственную многовековую этническую историю, считалась Туркменская ССР, созданная в октябре 1924 г. Родиной советских немцев была объявлена Автономная Социалистиче-

¹⁷ Геворгян Г.А. История экономического и социально-культурного становления армянской диаспоры Донской области и Степного Предкавказья (последняя четверть XVIII в. – 1917 г.). Дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2000. С. 67.

¹⁸ Тикиджьян Р.Г. Основные этапы формирования и трансформации этносоциального сообщества донских армян в конце XVIII – начале XXI вв. // Армяне юга России: история, культура, общее будущее. Материалы всероссийской научной конференции (30 мая – 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2012. С. 287–288.

¹⁹ ГА РО, ф. Р-1390, оп. 6, д. 107, л. 9.

²⁰ Там же, д. 108, л. 76.

ская Советская Республика Немцев Поволжья. Донские калмыки, проживавшие в восточных районах Донецкого округа Северо-Кавказского края, активно мигрировали в Калмыцкую автономную область.

Процессы национального строительства на Дону, Кубани и Ставрополье начались на несколько лет позже автономизации горских народов. В их основу был положен универсальный принцип этнической консолидации и компактного проживания. Результатом стало создание Шапсугского (1924), Туркменского (1925), Армянского (1925), Мясниковского (армянский) (1926), Ванновского (немецкий) (1928), Калмыцкого (1929), Греческого (1930) национальных районов и большого количества национальных сельсоветов²¹. Симптоматично, что Положение о национальных районах, которое регламентировало их деятельность, было принято только в 1926 г., уже после создания некоторых из них.

На низшем административном уровне роль центра этнической консолидации играли национальные сельские советы, созданные на основании письма ВЦИК «О выделении национальных сельских советов» от 29 апреля 1926 г. В нём предписывалось в районах со «смешанным национальным населением, при разукрупнении выделять селения с однородным составом для организации самостоятельных сельсоветов»²². В письме Краевого исполнительного комитета всем окружным и областным исполкомам Северо-Кавказского края в 1925 г. подчёркивалось, что «сельские советы являются основною ячейкой советской власти трудящихся и имеют своей задачей привлечение трудящихся масс к непосредственному участию в деле строительства во всех областях культурной и хозяйственной жизни населения»²³. Краевые власти отмечали необходимость «взять твёрдый курс на выделение отдельных немецких сельсоветов, не останавливаясь перед недостаточным для этой цели населением в том или другом пункте»²⁴. Аналогичный курс реализовывался и в отношении других этнических групп (ассирийцев, молдаван, татар, грузин и др.), которые в силу своей малочисленности и дисперсности проживания не могли создать самостоятельных национальных районов.

Ряд исследователей причисляют национальные районы и сельсоветы к «малым автономиям», ставшим своеобразными копиями автономных областей и республик²⁵. Данное утверждение является спорным, поскольку национальная автономия имела определённый политико-представительный статус, закреплённый в общесоюзной и республиканской Конституциях и дававший право на избрание депутатов по национальным округам в союзные и республиканские органы, в том числе Совет Национальностей СССР²⁶. Кроме того, национальные районы и сельсоветы не обладали атрибутами государственности, их создание носило в значительной степени экспериментальный, конъюнктурный и, как показала история, временный характер. Первостепенную роль, особенно с началом коллективизации, играли экономические показатели.

²¹ История Северного Кавказа: учебное пособие / Отв. ред. Д.В. Сень, А.Т. Урушадзе. Ростов н/Д, 2017. С. 191–193.

²² Систематический сборник действующих актов. М.; Л., 1928. С. 32.

²³ ГА РО, ф. Р-3758, оп. 1, д. 471, л. 102 об.

²⁴ Там же, ф. Р-1798, оп. 1, д. 941, л. 90.

²⁵ *Иванцов И.Г.* Советские формы «малой автономии»... С. 128.

²⁶ Конституция СССР 1936 года. Высшие органы государственной власти СССР. Глава III (URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm>).

В документах краевых партийных и хозяйственных органов отмечалась необходимость встраивания в хозяйственную систему национальных районов как единиц планирования²⁷. Кроме того, необходимо было продемонстрировать успешность решения национального вопроса в СССР, добиться лояльности нацменьшинств и избежать обвинений в ассимиляторской политике, которую большевики приписывали царской России.

Несмотря на попытки этнической консолидации в рамках национальных районов, в том числе путём прирезки территорий с компактным проживанием представителей того или иного этноса, гораздо более значительная доля национальных меньшинств проживала за границами национальных образований. Из более чем 90 тыс. населения Северо-Кавказского края в Ванновском национальном районе проживали не более 6–7 тыс. немцев; из 162 тыс. армян в Мясниковском и Армянском районах – около 30 тыс. человек²⁸. Остальные были рассредоточены по территории Северо-Кавказского края.

Этническая чересполосица и полиэтничный состав национальных районов и смешанных сельсоветов в условиях дефицита земли провоцировали взаимное недоверие и рост межнациональных противоречий, в том числе на руководящем уровне. Так, в Калмыцком районе отмечалось нежелание властей заниматься проблемами отсталых калмыцких колхозов, а машинно-тракторных станций – обслуживать их²⁹. В Греческом районе на протяжении всего его существования сохранялась взаимная неприязнь между русскими и греческими партийными работниками³⁰. Высокий уровень экономической конкуренции провоцировал рост эмиграционных настроений среди значительной части немцев и греков, которые массово выезжали в Германию, Грецию, США и другие страны³¹. Некоторые этнические группы отличались высокой интенсивностью внутренней миграции. К примеру, ассирийцы предпочитали выезжать из сельской местности и селиться в крупных городах Советского Союза³². Туркмены, традиционно занимавшиеся кочевым скотоводством, из-за недостатка земли массово мигрировали в соседний Дагестан³³. Проблема предотвращения миграции туркмен из Ставрополя, проживавших в регионе с XVII в., решалась на краевом и республиканском уровнях³⁴. В результате был создан отдельный Туркменский район в Ставропольском округе и оказана значительная материальная помощь туркменским хозяйствам³⁵.

Ключевое значение в рамках национальной политики в регионе отводилось развитию национальной культуры и бытовых особенностей народов. Общность языка и культуры, признавалась важнейшим признаком нации³⁶. Особое внимание уделялось сохранению и развитию культуры малых народов, в том

²⁷ ГА РО, ф. Р-1390, оп. 6, д. 1228, л. 1 об.

²⁸ Всесоюзная перепись населения 1926 года...; ГА РО, ф. Р-493, оп. 1, д. 52, л. 12; ф. Р-98, оп. 2, д. 98, л. 201; ф. Р-1798, оп. 1, д. 1116, л. 7.

²⁹ ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 171, л. 36; д. 173, л. 162.

³⁰ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИ КК), ф. 2662, оп. 1, д. 62, л. 18.

³¹ ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 209, л. 10; д. 751, л. 39, 91.

³² Данилова Е.Н. Деятельность Всероссийского союза ассирийцев в 20–30-е годы XX века // Этнографическое обозрение. 2005. № 2. С. 109.

³³ ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 655, л. 21, 25.

³⁴ Там же, л. 22.

³⁵ Там же, л. 22–23.

³⁶ Сталин И.В. О национальном вопросе. С. 10.

числе проживавших в иноэтничном и инокультурном окружении, ликвидации неграмотности, развитию начального и среднего образования на родном языке, созданию национальных театров, газет, журналов.

Основными направлениями культурной политики в 1920-х гг. было социалистическое воспитание, политическое просвещение и профессиональное образование. В рамках первого направления строились национальные школы, которые должны были выполнять просветительские и воспитательские функции в контексте текущих культурных и идеологических задач. Широко развивалась сеть учреждений политпросвета, которые обеспечивали политическое воспитание масс. Избы-читальни, стенгазеты, ликпункты должны были организовать свою работу в соответствии с актуальными задачами кооперации, коллективизации, индустриализации. Особое внимание уделялось воспитанию национальных образовательных кадров в педагогических учебных заведениях. Уже в начале 1920-х гг. были созданы Северо-Кавказский педагогический институт, Горский институт народного образования во Владикавказе, педагогические техникумы в Дагестане, Северной Осетии, Адыгее, Ингушетии и Чечне, педагогические училища в Черкесске и Карачаевске, Ленинский учебный городок с педтехникумом и педкурсами в Кабардино-Балкарии и др.³⁷

Дисперсные народы Дона, Кубани и Ставрополя также были объектом культурной политики краевых властей. С этой целью в городах и сёлах, где проживали национальные меньшинства, открывались пункты ликбезов, избы-читальни, библиотеки, школы. Важным требованием была ликвидация неграмотности на родном языке. В рамках советского варианта нациестроительства в контексте политики культурной и языковой унификации в школах внедрялись литературные варианты национальных языков. Развитием образования среди национальных меньшинств занимался отдел Нацмен Краевого народного образования. Показательно, что в его отчётах за 1924–1925 гг. дисперсные этносы, проживавшие в крае, сознательно отделялись от национальностей, проживавших в собственных автономиях³⁸.

Чересполосный и дисперсный характер проживания национальных меньшинств значительно затруднял культурное строительство. У ряда этносов отмечался чрезвычайно низкий уровень грамотности (туркмены, калмыки, шапсуги, армяне, ассирийцы и др.)³⁹. Процесс сильно тормозился из-за разбросанности населения, отсутствия необходимой инфраструктуры и дефицита национальных кадров. Ситуацию осложняло также наличие многочисленных языковых диалектов, отличных от общепринятых норм литературных языков. Так, донские армяне и многие армянские беженцы разговаривали на западно-армянских диалектах, а жители армянского села Эдиссия на Ставрополье — на тюркском наречии, в то время как литературный армянский язык сложился на основе восточноармянских диалектов. Аналогичные сложности наблюдались

³⁷ Лиджева К. Ф. Подготовка педагогических кадров в процессе формирования советской интеллигенции (на материалах национальных автономий Северного Кавказа) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2011. № 6. С. 31.

³⁸ ГА РО, ф. Р-64, оп. 1, д. 234.

³⁹ Самый высокий уровень грамотности отмечался у немцев, в том числе среди женщин, которые были « поголовно грамотны ». К концу 1920-х гг. школьным образованием было охвачено до 80% немецких детей, что было самым высоким показателем среди нацменьшинств (ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 751, л. 104).

у немцев, значительная часть которых не знала ни русского, ни литературного немецкого языка⁴⁰. Отличались многообразием и греческие диалекты, некоторые этнические группы греков с трудом понимали друг друга⁴¹. Ликвидация неграмотности на родном языке и его внедрение во все области жизнедеятельности нацменьшинств сталкивались с трудностями не только культурного, но и политического плана. В ряде случаев они приобретали драматический и подчас трагический характер.

Культура и традиции донских, кубанских и ставропольских нацменьшинств значительно отличались от культуры и традиций соплеменников, проживавших на территории национальных автономий и союзных республик, считавшихся эталоном и культурной нормой. Государство способствовало процессам национальной унификации. Характерный пример — дискуссия внутри нахичеванской армянской общины на Дону в 1920-х гг. о выборе варианта армянского языка, который необходимо было внедрить в качестве официального языка делопроизводства Мясниковского района и местной прессы, в частности районной газеты «Мурч-Мангах»⁴². Схожие проблемы фиксировались в Армянском районе на Кубани, чьё население разговаривало на западноармянском диалекте. Местные власти выступали «против преподавания предметов в армянских школах на смешанных языках — на русско-армянском... в результате... дети после 6–7 лет прохождения школы не знают ни по-русски, ни по-армянски, как это имеет место в Чалтырском районе»⁴³.

Культурная разница между донскими армянами, беженцами из Турции и «ереванскими» руководителями была очень велика. Руководство донской армянской общины во главе с братьями Гадзиевыми выступало против насаждения литературного армянского языка, мотивируя это тем, что подавляющая часть армянского населения не владеет им, разговаривая на местном нахичеванском диалекте⁴⁴. Микоян настаивал на внедрении норм «ереванского» варианта в процесс школьного образования донских армян, что стало одной из причин жёсткого политического конфликта между краевым руководством и лидерами нахичеванской армянской общины, который впоследствии получил название «гадзиевщины». Поражение Гадзиевых привело к внедрению единого стандарта армянского языка в школьный образовательный процесс и вытеснению местного диалекта в неформальное пространство.

В свою очередь руководство края испытывало значительное давление и со стороны руководства Армянской ССР, которое считало важной задачей курирование процесса национального и культурного строительства в регионах с компактным проживанием армянского населения на основе армянского литературного языка. Так, краевые власти подчёркивали, что чрезмерное навязывание русского языка в рамках учебного процесса в донских армянских школах может «дать эмигрантской печати благодатный материал, дискредитирующий национальную политику советской власти; пока же эти явления имели результатом появление заметок на страницах органа ЦК Компартии Советской Арме-

⁴⁰ ЦДНИ КК, ф. 12, оп. 1, д. 84, л. 40–41.

⁴¹ ГА РО, ф. Р-64, оп. 1, д. 234, л. 64.

⁴² *Акопян В.З.* Армянская периодическая печать Юга России в советский период // Вестник Адыгейского государственного университета. 2013. № 1. С. 25.

⁴³ ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 165, л. 9.

⁴⁴ ГА РО, ф. Р-64, оп. 3, д. 22, л. 99.

нии, порицающее столь поверхностное отношение к такому важному вопросу как вопрос о языке»⁴⁵.

Особое политическое значение имел процесс национального и культурного строительства среди греческого населения. В 1930 г. на Кубани был создан Греческий национальный район. В резолюции греческого съезда советов Черноморского округа в апреле 1930 г. отмечалось, что «единственным отечеством для нас является СССР, для защиты которого от любого покушения врагов мирового пролетариата мы готовы выступить в любой момент»⁴⁶. Среди греческого населения наблюдалось значительное разнообразие диалектов, «вплоть до совершенного незнания некоторыми греками (самсунскими, байтарскими) своего родного языка»⁴⁷. В качестве основного для школьного образования было выбрано «так называемое анатолийское наречие и язык “народный”... на котором говорит по преимуществу население самой Греции в обыденной жизни»⁴⁸. Выбор «народного» греческого языка, несмотря на то что значительная масса греков, прибывшая из Турции, разговаривала на анатолийском наречии, способствовал ведению советской пропаганды среди греков-эмигрантов.

Важной особенностью «периферийного» национального строительства среди дисперсных этносов в регионе был его «крестьянский» характер. Подавляющая часть национальных меньшинств занималась сельским хозяйством. Представители тех этнических групп, которые мигрировали в города, в основном были заняты в сфере услуг. Ассирийцы заняли нишу чистильщиков обуви, армяне имели крепкие позиции в торговле, татары промышляли извозом или нанимались разнорабочими⁴⁹. Доля рабочих, которые в рамках большевистской идеологии представляли передовую часть этноса, оставалась крайне незначительной. Национальные районы, как правило, не имели крупных промышленных центров. Рабочие-наемники трудились на предприятиях в крупных городах – Ростове-на-Дону, Аксае, Таганроге, Новороссийске и др.⁵⁰ Так, на таганрогском заводе «Красный Котельщик» в 1934 г. работали 135 украинцев, 27 немцев, 23 еврея, 18 греков и 17 поляков⁵¹. На цементном заводе в Новороссийске трудились 115 украинцев, 57 греков, 26 армян, 20 немцев, 11 молдаван, 9 евреев, 8 чехов, 8 татар и др.⁵² В отличие от рабочих из северокавказских автономий, они не возвращались в места компактного проживания, довольно быстро оседая в городах. Значительная часть рабочих, особенно немцев, поляков и украинцев, в городских условиях подвергалась быстрой культурной и языковой ассимиляции⁵³, что делало их непригодными для ведения пропагандистской и организационной работы среди сельского населения.

Главную ставку в национальных районах и сельсоветах приходилось делать на батраков и бедных крестьян. Предполагалось, что именно они составят партийный и советский актив. Так, в отношении немецкого населения предписы-

⁴⁵ Там же, ф. Р-1798, оп. 1, д. 941, л. 29.

⁴⁶ ЦДНИ КК, ф. 2662, оп. 1, д. 5, л. 4.

⁴⁷ ГА РО, ф. Р-64, оп. 1, д. 234, л. 64.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Данилова Е.Н. Деятельность Всероссийского союза ассирийцев... С. 109; ЦДНИ КК, ф. 12, оп. 1, д. 54, л. 3.

⁵⁰ ГА РО, ф. Р-1855, оп. 1, д. 274, л. 2, 5, 20, 36, 59, 92.

⁵¹ Там же, л. 114–114 об.

⁵² Там же, л. 280.

⁵³ Игнатова М.Е. Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы... С. 190.

валось «поручить окружкомам ВКП(б) принять меры... к увеличению процента бедняков, батраков и женщин в немецких сельсоветах»⁵⁴. К 1929 г. в Ванновском районе при всех сельсоветах и некоторых крестьянских комитетах общественной взаимопомощи было организовано 12 групп бедноты, состоявших из 144 членов⁵⁵. Большое внимание уделялось батракам как сельскому пролетариату. В том же Ванновском районе функционировал батрацкий профсоюз, в который входили 138 из 153 батраков⁵⁶. В результате только за 1931–1932 гг. их численность в районной партийной организации выросла с 30 до 106 человек. Тем не менее крестьян-партийцев по-прежнему было больше – 157 человек⁵⁷.

Преобладание крестьян-колхозников наблюдалось и в других национальных районах, в том числе в Греческом, несмотря на относительно высокую долю промышленного производства в структуре его экономики. В местной парторганизации к 1932 г. насчитывалось 52 рабочих, 25 батраков, 161 колхозник, 20 служащих⁵⁸. Однако массовая неграмотность, политическая и социальная пассивность бедняцкого элемента обуславливали низкие темпы партийного и советского строительства⁵⁹. Наиболее тяжёлая ситуация складывалась в национальных и смешанных сельсоветах, где нередко возникал разлом не по классовому, а по национальному признаку. Так, в некоторых колониях Донского и Терского округов немцы-бедняки, консолидировавшись с немцами-середняками и зажиточными немцами-колонистами, отказывались голосовать на выборах в сельсоветы за русских кандидатов из бедноты⁶⁰.

В силу нехватки национальных кадров районные и окружные власти допускали возможность нарушения принципа квотирования, и руководящие должности в сельсоветах зачастую занимали русские. Так, председателем крупнейшего в Донском округе Воронцовского немецкого сельсовета был русский по национальности Наконечный⁶¹. Наиболее часто эта мера применялась в период коллективизации в тех сельсоветах, где преобладали зажиточные национальные хозяйства. Результатом дефицита местных национальных кадров стали низкие темпы коренизации партийного и советского аппарата, руководящих должностей на производстве. Их рост в значительной степени обеспечивался за счёт формального выдвижения на руководящие посты, что зачастую негативно отражалось на качестве их работы, особенно в чрезвычайных условиях. На V партийной конференции Ванновского района в мае 1930 г. подчёркивалось: «Посылаются к нам работники, посылаются все, кто носит нерусскую фамилию, хотя бы он был и не немец. Некоторые говорить по-немецки не умеют, а их присылают к нам»⁶².

Дефицитом национального партийного и советского актива на местах объяснялись и низкие темпы коллективизации. Данная проблема в разной мере была характерна для всех национальных меньшинств в регионе, в том чис-

⁵⁴ ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 751, л. 41.

⁵⁵ ЦДНИ КК, ф. 493, оп. 1, д. 21, л. 66.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, д. 52, л. 20.

⁵⁸ Там же, ф. 2662, оп. 1, д. 15, л. 41.

⁵⁹ ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 751, л. 102.

⁶⁰ Государственный архив новейшей истории Ставропольского края, ф. 5938, оп. 1, д. 22, л. 11.

⁶¹ ГА РО, ф. Р-1798, оп. 1, д. 941, л. 84.

⁶² ЦДНИ КК, ф. 493, оп. 1, д. 32, л. 5.

ле для немцев, чьи хозяйства считались наиболее успешными, а Ванновский район — самым развитым. VII районная Ванновская партийная конференция в 1932 г. отмечала «плохую постановку работы по выдвижению национального низового актива» и «слабый рост парторганизации — на 9%, особенно слабый процент за счёт женщин и немцев». Такое положение объяснялось «недостаточной работой среди немцев... недостаточной подготовкой кадров низовых партработников-немцев»⁶³. Обращалось внимание и на низкие показатели вовлечения в партию украинского населения⁶⁴. Доля немецких и украинских коммунистов не соответствовала национальному составу Ванновского района. За четыре года первой пятилетки, на которые выпали наиболее динамичные процессы национального и культурного строительства, удельный вес немцев-партийцев остался на прежнем уровне (см. табл. 3, 4).

Таблица 3

Национальный состав парторганизации Ванновского района в 1928–1932 гг.

	1.10.1928	1.05.1929	1.02.1931	1.01.1932
Немцы	18 (21,2%)	27 (23,5%)	43 (17,3%)	62 (22,8%)
Русские	42 (49,4%)	57 (49,6%)	126 (50,6%)	139 (51,1%)
Украинцы	17 (20%)	24 (20,1%)	54 (21,7%)	53 (19,5%)
Другие	8	7	26	18
Всего	85	115	249	272

Подсчитано по: ЦДНИ КК, ф. 493, оп. 1, д. 16, л. 20, 22; д. 52, л. 20.

Таблица 4

Динамика национального состава Ванновского района в 1927–1930 гг.

	Немцы	Украинцы	Русские	Другие	Всего
1927	5 280	4 643	2 823	163	12 909
1928	5 464	4 756	3 245	172	13 637
1929	5 012 (32,4%)	5 367 (34,7%)	3 902 (25,2%)	181	15 463
1930	7 428* (43%)	5 628 (32,6%)	3 255 (18,8%)	864	17 275

Подсчитано по: ЦДНИ КК, ф. 493, оп. 1, д. 52, л. 12.

* Увеличение немецкого населения произошло за счёт включения в состав Ванновского района отдельных населённых пунктов с немецким населением.

Дефицит местных национальных кадров компенсировался путём вовлечения в партийное и советское строительство выходцев из других регионов страны. В немецкие колонии назначались активисты из крупных городов Северо-Кавказского края, а также из Автономной ССР Немцев Поволжья. Среди донских армян вели работу партийные активисты из Армении. Ростовских

⁶³ Там же, д. 52, л. 3.

⁶⁴ Там же, л. 21.

армян-партийцев присылали для работы среди армян-беженцев в Армянском районе⁶⁵. Однако эти кадры не проявляли заинтересованности в долгосрочном пребывании на новом месте по причине низких заработных плат, отсутствия перспектив продвижения по карьерной лестнице. При первой возможности они уезжали в крупные города, что приводило к большой текучке кадров⁶⁶. Кроме того, незнание местной специфики зачастую порождало конфликты между старожилами и приезжими специалистами.

Несмотря на ряд позитивных достижений, прежде всего в области развития национального самосознания, культуры и образования, существование национальных районов не помогло решить проблему этнической чересполосицы и межэтнических трений, прежде всего из-за дефицита земли, провоцировавшего этнические конфликты. По-прежнему фиксировался высокий уровень социальной и культурной изоляции представителей национальных меньшинств. На Кубани долгое время сохранялась экономическая конкуренция между греками, занимавшимися табаководством, и русскими крестьянами, что вызывало эмигрантские настроения среди греческого населения⁶⁷. Часть греков изначально выступали против создания национального района, опасаясь земельных конфликтов⁶⁸.

Внедрение советских форм ведения хозяйства также сталкивалось с рядом трудностей. Темпы коллективизации в Ванновском, Греческом и других национальных районах были существенно ниже, чем в соседних русских. В некоторых национальных колхозах до середины 1930-х гг. значительную экономическую и политическую роль играли кулаки и духовенство, широко использовавшие наёмный труд⁶⁹. Фактор национального сознания значительно превосходил классовую солидарность.

С течением времени всё более очевидной становилась экономическая несостоятельность многих национальных районов, что требовало дополнительного финансирования со стороны краевых властей. Некоторые из них находились в тяжёлом финансово-экономическом положении, например, Шапсугский⁷⁰, Калмыцкий⁷¹, Туркменский⁷². К тому же титульное население большинства национальных районов неуклонно сокращалось. Даже в сравнительно благополучном Ванновском районе «размер... бюджета был недостаточен»⁷³. К моменту его ликвидации в 1938 г. из 17,8 тыс. жителей немцами были 6,5 тыс. человек; в Греческом районе из 74,5 тыс. греки составляли 10,9 тыс.⁷⁴

Особая ситуация складывалась в армянских районах на Дону и Кубани, где удельный вес армянского населения был очень высок. В то же время уровень их хозяйственного развития значительно разнился. Армянский район на Кубани состоял преимущественно из беженцев, в его социальной структуре преобладали бедняки, «жизненный уровень жителей являлся одним из самых

⁶⁵ ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 165, л. 8.

⁶⁶ ЦДНИ КК, ф. 493, оп. 1, д. 21, л. 66.

⁶⁷ ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 209, л. 9–10.

⁶⁸ *Игнатова М.Е.* Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы... С. 193.

⁶⁹ ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 45, л. 72.

⁷⁰ *Иванцов И.Г.* Становление автономии Шапсугского района // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 4(51). С. 82–83.

⁷¹ ЦДНИ РО, ф. 8, оп. 1, д. 29, л. 158–159.

⁷² Там же, ф. 7, оп. 1, д. 655, л. 22.

⁷³ *Игнатова М.Е.* Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы... С. 142.

⁷⁴ ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2005. С. 333.

низких среди аналогичных районов»⁷⁵. В отчётах советских органов отмечалось, что «Армянский район является хозяйственно и культурно отсталым, ведущим сельское хозяйство в условиях горной полосы с разведением технических культур (табак)»⁷⁶. Решительным мерам по преобразованию района помешала Великая Отечественная война. В 1953 г. он был ликвидирован, а его территория распределена между Туапсинским и Апшеронским районами. При этом населённый армянами Мясниковский район на Дону оставался довольно зажиточным, что стало главным фактором его сохранения в качестве самостоятельной административной единицы. До сих пор он играет важную роль в экономике Ростовской обл.

Во второй половине 1930-х гг. помимо экономической целесообразности важную роль стал играть фактор политической лояльности населения. Принятие Конституции победившего социализма в 1936 г. символизировало успешное завершение процесса национального строительства. На первый план выходили задачи интеграции национальных меньшинств. К этому времени все национальные районы в регионе фактически лишились своего национального статуса, что стало первым шагом к их упразднению. 7 января 1938 г. вышло постановление бюро Краснодарского крайкома ВКП(б) о ликвидации Греческого и Ванновского районов⁷⁷. В годы Великой Отечественной войны был ликвидирован Калмыцкий, а после её окончания – Шапсугский, Армянский и Туркменский районы⁷⁸. Несмотря на определённые экономические трудности, по уровню своего развития они превосходили многие районы в регионе. Их ликвидация была связана, прежде всего, с опасениями политической неблагонадёжности населения, например немцев и греков, которые в годы войны подверглись насильственному переселению и депортации.

Результаты «периферийного» варианта национального строительства на Дону и Северном Кавказе были противоречивы. С одной стороны, за сравнительно короткий промежуток времени удалось консолидировать многочисленные этнические группы, проживавшие в регионе, повысить уровень их национального самосознания, ликвидировать неграмотность и создать условия для развития национального языка и культуры. С другой стороны, многие этнические сообщества подверглись культурной и языковой унификации, что повлекло за собой утрату уникальных образцов и особенностей местных культур.

⁷⁵ Акоюн В.З. Армянский национальный район: образование, статус, политические процессы (URL: <https://armeniansite.ru/armyanskie-poseleniya-rossii/308-armyanskij-natsionalnyj-rajon-na-kubani-obrazovanie-status-politicheskie-protsessy.html>).

⁷⁶ ГА РО, ф. Р-1485, оп. 1, д. 634, л. 254.

⁷⁷ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. М., 2009. С. 333–335.

⁷⁸ История Северного Кавказа: учебное пособие. С. 191–193.